

Сценарий классного часа «Терроризм – проблема современности»

Цель проведения: показать обучающимся на примерах событий в мире, что такое терроризм, каковы его последствия, какие возможные способы защиты от него существуют; воспитывать стойкость характера, чувство сострадания.

Ход мероприятия:

Сегодня мы поговорим с вами об очень страшном горе, которое может случиться с каждым из нас в любом городе, в любой стране. Это терроризм.

Мы должны понять, что это такое, как правильно вести себя, если вдруг случится с тобой эта беда, какие есть способы защитить себя.

Террор – в переводе с латинского – это «ужас», «зло», подавление, запугивание людей.

Терроризм – это убийства, поджоги, взрывы, захват заложников. Там, где террор, там смерть, искалеченные люди.

Террористы – это группа людей, которая совершает теракты. Это крайне жестокие люди, которые любыми способами хотят запугать нас.

Все они – преступники, хотя очень часто прячутся за красивыми словами. Но этим словам верить нельзя. Они совершают теракты. Их задача – подчинить государство, его органы, всю общественность, заставить их выполнить требования террористов и стоящих за ними лиц и организаций.

Теракт не знает заранее своих жертв, ибо направлен против государства, но всегда при этом страдают люди.

К крупным терактам относятся события в Японии в метро в 1995 г (погибло 12 человек, было отравлено газом – 5 тысяч человек)

Взрывы жилых домов в Москве, Буйнаксе, Волгодонске в 1999 г. (погибло более 300 человек)

Атака захваченных самолетов башен Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и здания Пентагона в Вашингтоне 11 сентября 2001 г. (погибло более 3 тыс. человек)

Из последних страшных трагедий стал теракт на борту самолета, летевшего из Египта 31 октября 2015 года. Тогда погибло 217 человек.

Одна из самых жестоких атак террористов - захват заложников в Беслане.

1 сентября 2004 года. В тот день светило солнце жарко

И осень шелестела за окном.

День знаний начинался радостно и ярко,

Но стал для тысяч самым черным днем.

На линейку по поводу Дня знаний собралось в североосетинской школе около 2000 человек. Террористы все продумали, ведь по национальной традиции детей в школу провожают не только родители, но и многочисленные родственники, друзья. Их расчеты оправдались: только детей дошкольного возраста было около 130, самой младшей из них, Алине Сулеймановой, было 5 месяцев. Террористы ворвались на машинах во двор школы неожиданно и сразу стали стрелять и загонять людей в школу. Три дня Беслан напоминал пороховую бочку. Люди всего мира следили за событиями, которые разворачивались в бесланской школе. 54 часа бандиты удерживали заложников, издевались над ними, морили голодом, не давали воды, угрожали и расстреливали одних, чтобы запугать других. В кабинете русского языка боевики устроили расстрельную комнату. Террористы ставили к стенке тех, кто вел себя плохо – кричал или не слушал команд. Только в первый день таких оказалось 20 детей.

Все ли мы знаем об этой трагедии? Послушайте рассказ врача- заложника из школы № 1 г.Беслана Ларисы Мамитовой, мамы семиклассника Тамерлана.

Семикласснику с гордым именем Тамерлан впервые купили дорогие ботинки (которые он вскоре потеряет) и белую рубашку (которая пойдет на бинты). Когда же стали стрелять вверх, его мама, Лариса Мамитова, врач «скорой помощи», подумала: надо же, салют! Первыми опомнились одиннадцатиклассники, которые стояли дальше всех и почти все успели скрыться.

А бандиты все стреляли и через двери и окна вдавливали ополоумевшую толпу детей, учителей и родителей в школу. Резко открылась дверь в спортзал, и нас потоком занесло. Мобильники приказали выкинуть. «Сидеть, - кричат, - всем сидеть!» И стали ставить растяжки. Между баскетбольными щитами висели три самодельные бомбы – двухлитровые бутылки из-под пепси, залепленные коричневым скотчем. И в это время по проходу протащили первый труп – плотный мужчина в темно-синей клетчатой рубашке, засунули его в комнатку с инвентарем. Тут со стороны боевиков кричат: «Доктор есть?» Встала: «Я врач». Боевик вывел меня в коридор. Там уже никого не было, одни вещмешки, очень много рюкзаков, оружие».

Лариса рассказывает бесстрашно, не в первый раз. Два раненых бандита были для нее просто пациентами. У одного пуля зашла в предплечье и у локтя вышла, раздробив кость. Другой был уже не жилец: проникающее ранение в живот, и пуля застряла где-то в мышцах. Раненый в живот, весь в холодном поту, сидел, почти лежал, но держал оружие. Ларисе велели обезболить обоих, дали две ампулы, скрученные скотчем...Пока колола и перевязывала, успела заметить, как в коридор

вывели из зала мужчин, поставили по одному на каждое окно, руки за голову – как живой щит. Другие отцы несли парты, доски – закрывали окна в коридоре.

Лариса решила спросить: «Вы детей взяли в заложники, значит, у вас какие-то требования есть? Может я выйду, передам? Хоть записку вынесу, чтобы с вами как-то связались? «Не я решаю, - отвечает раненый, - решает полковник». «Ну позовите полковника». «А чего звать, - огрызается раненый, - у нас одно требование: вывести войска из Чечни. Ваши это знают. А вы хоть подумали, почему наши женщины идут на подвиги?». Доктор Лариса не считала шахидских женщин-камикадзе героинями. Двух она видела в эти дни близко. Одна выводила детей в туалет. Впереди гуськом – перепуганные малыши, сзади – черная тень с пистолетом, перепоясанная взрывчаткой.

Из коридора Ларисе было видно, как всех мужчин, которые баррикадировали окна, согнали в один класс. Посадили в круг, руки за голову. Потом она потеряла свой наблюдательный пост, потому что прогремел первый взрыв. По ноге будто ножом чиркнуло. Боевики забегали, орут: «Видала, ваши штурм начали!» Когда дым рассеялся, поняли, что подорвалась шахидка. Слава Аллаху, в рай она отправилась одна. Детей поручили Ларисе.

Первое число растянулось будто на неделю. Это был единственный день, когда дети боялись. Потом, сказал мне Тамерлан, стало все равно. Он тоже сидел в коридоре в мокрой насквозь майке на сквозняке и дрожал. Раненый в живот кивнул на «камуфляжку». Лариса накинула куртку на сына.

Бородатый мужчина с раскаленными глазами засмеялся: «Хороший ваххабит выйдет!» Это был так называемый полковник по имени Али. Сказал: «Будет тебе записка, вынесешь к воротам. Шаг за ворота – снайпер тебя снимет. И твоего ваххабита».

Записку Али диктовал. Сверху сам написал номер мобильного. Остальное Лариса запомнила дословно: «Прийти на переговоры: Дзасохов тире президент Осетии, Зязиков тире президент Ингушетии, Аслаханов тире советник президента, Рошаль тире детский врач». Рука дрожала, от волнения написала «Рашайло». «Если убьют любого из нас, расстреляем 50 человек, если ранят любого из нас, расстреляем 20 человек. При штурме все взорвем»

Сорвала Лариса маленькую занавеску – белый флаг – и пошла, припадая на раненую ногу. У окна пристроился снайпер. «Честно говоря я его чуть-чуть боялась... Что умру, было без разницы, волновало донести записку. И вот стала махать этой белой занавеской. Кричу: «Эй, кто-нибудь, заберите записку!» Люди далеко. Тут из-за угла крайнего дома выглянул парень, оружие положил на траву и побежал ко мне. Кричу: «Передай: нас очень много, пусть не стреляют, они могут нас взорвать». И отдала ему записку. И быстро, как могла пошла к школе».

Первое сентября все тянулось, бесконечное, как война. Еще разрешали пить и водить детей по 10-15 человек в уборную. Было много малышей, даже грудных – первое сентября, как известно, закрыл детские сады – говорят не было газа. Голодные младенцы орал, не умолкая. Ларисе дали для них изюм, сникерсы и финики. Она ходила по залу, просила: «Пожалуйста, только самым маленьким, по кусочку» А потом всю ночь караулила детонатор-лягушку. Все три дня бандиты по очереди держали его ногой. Лариса видела, как ноги у дежурных затекают, напоминала: помассируй. Чтобы не забыл на чем стоит.

На второе утро никто с террористами не связался.

Али начинал злиться: «Вы даже правительству своему не нужны!» «Может у вас телефон заблокирован? – предположила Лариса, которая уже ничего не боялась. – Проверьте, я ведь немногого прошу, позвоните с одного телефона на другой, детям уже совсем худо...» Она оказалась права. Телефон, указанный в записке не работал. Принесли стопку тетрадей, Лариса вырвала лист и стала сама под диктовку полковника писать номер, четко выводя цифры, чтобы не спутали ни одну. И дальше единственную фразу: «Наши нервы на пределе». Взяла белую майку, опять посадили стрелка, вышла. Кричит: «Заберите записку!» «А из-за угла на меня смотрят и говорят: «Иди сама сюда» Ну, думаю, пристрелят, значит пристрелят. Зато записку передам» Записку передала и снова к школе, к сыну.

На второй день еще разрешали ходить в туалеты и обливаться водой, было очень жарко. Но пить уже не давали. Ларису предупредили – увидим что ребенок пьет, - застрелим, даже твоего.

Умерла девочка с диабетом, агонизировали астматики...Дети стали температурить, Лариса просила аспиринов. Не дали.

На второй день старшеклассникам приказали копать яму в одном из кабинетов. Отхожее место. Чтоб никакого доступа к кранам с водой.

Второй день был еще длиннее и намного страшнее. Потому что никаких сигналов не поступало. Боевики сняли на видео панораму зала с детонатором в конце. Потом эта запись обошла все телеэкраны мира. Ее не показали только в России.

Аушев договорился – отпустить маленьких детей. Грудничков. С ними вышли мамы.

На третье утро Лариса с сыном стали искать лекарства. Просто шарить по сумкам, сваленным в коридоре. Таблетки заворачивала в бумажку, бросала, чтоб раздали больным. «Но с людьми делалось уже что-то. Рядом больной ребенок лежит, а взрослый хватается таблетку и в рот. Разум помутился. Кричат: «Дай таблетку!» - «Какую?» - «Любую!»). Тысяча людей кричат: «Лариса, Лариса! Мне даже во сне теперь снится. Не знаешь к кому бежать. А одна вообще: «Лариса, мне плохо, скорую мне вызови!» Что тут скажешь?»

Уже не пускали даже в яму. Все дела - на местах. Люди задыхались, к ребенку, который хотел пописать, бежали, подставляли под струйку свою одежду, потому что в бутылках мочи уже не было... «Я говорю: «Ложитесь все, вы ж задохнетесь, понизу хоть тянет маленько...». А в среднем окне мой сын стоит. Кричу: «Вниз, Тамик, вниз, чтоб дышать!» И в этот момент – взрыв. Как меня не разорвало? Я стояла рядом с бомбой. И в следующий миг очутилась в противоположной стороне. Пришла в себя от того, что с улицы дико кричал ребенок. Мне примерещилось будто их отстреливают... Смотрю наверх – небо видно. Крыши нету. Кофту всю снесло с меня, ни клочка не осталось. Оглянулась назад – боевик в белой маечке прицелился в меня... Выстрелил – и я упала. Может он подумал, что я умерла... Тут один ребенок меня за волосы схватил и так сильно потянул, я аж застонала, потом — раз, и отпустил. Повернула голову, смотрю — он уже умер. И кругом лежат дети. Вижу — мой! Хватаю — нет, белые носки, у Тамика были черные. Я положила этот труп. Потом под какой-то скамейкой очутилась. Там туфли: одна мужская, другая женская. Я надела. Стекла кругом. А рядом сидела на стуле директор и ее сестра. Из-под сестры кровь текла. Я даже не заговорила с ними. Мне сына надо было найти». А сыновья лежат — все стриженные, глаза открыты, рты открыты... Все без маек, все на одно лицо. Вспомнила, что у Тамерлана шрам на ноге от велосипеда, стала шрамы искать.

А потом обожженную, окровавленную, обезумевшую Ларису нашел брат. И сказал: «Тамик дома, с ним все нормально».

Я до последней минуты не верила, что будет взрыв. Что посягнут на детей. Что наше правительство наплюет на нас. Что конец будет такой. Что людей разнесет по частям. Что руки и ноги будут валяться, неизвестно чьи. Я почему-то думала, что будет хороший конец. А сейчас меня вот что мучает: мне один бандит, которого я перевязывала, сказал вдруг: «Вы бы очень удивились, если б узнали, как мы попали в школу...». В Беслане я эту фразу слышала еще дважды. И теперь она меня тоже мучает. Как бутылки воды, которыми заполнена школа. Как тот стул в развороченном «расстрельном» классе, куда в память о недокуривших кладут прикуренные сигареты. Как та записка, которую я видела. И та кассета, которую мало кто видел в нашей стране, несчастной, но, может, не такой уж и безнадежной. Не одна же такая Лариса Мамитова. Перед отъездом я встретила ее в одной из многочисленных бесланских комиссий.

Она пришла хлопотать об удочерении какой-нибудь девочки. «Рожать мне поздно, — сказала Лариса, — а мальчик у меня уже есть».

Многострадальным детям Беслана врачи и психологи советуют как можно скорее постараться забыть тот ад, в котором они находились. А мы обязаны помнить. Помнить, чтобы разделить боль ни в чем не повинных жертв. Помнить, чтобы не допустить такой трагедии. Помнить, чтобы рассказать своим детям и внукам,

как сейчас наши деды рассказывают нам о войне. Потому что это и есть война. А на войне как на войне.

В общей сложности, только вслушайтесь в эти страшные цифры: по официальным данным погибло 334 человека, из них – 186 детей, 17 учителей, 118 родственников, гостей и друзей, 13 бойцов спецназа, свыше 700 человек было ранены.